

Глава XIX. Счастье и несчастье вновь обретенной свободы

Вследствие обрушившегося фронта в июне 1919 г. восточная Украина попала, таким образом, на четыре месяца под сапог белой военщины и оказалась в тесной зависимости от всех сторонников старого устоявшегося порядка, возвратившихся, чтобы вернуть себе свое богатство и свои должности: средних и крупных земельных собственников-кулаков и помещиков, – мелкой знати, жандармов, судей и других чиновников царских времен. Удобно устроившись и считая свои привилегии окончательно восстановленными, они жестоко мстили крестьянам и другим непокорным за тот бедственный период, который они пережили во время революционных преобразований, с момента ухода австро-германских войск.

Час реванша пробил теперь для другого лагеря. Махновцы, как вихрь, сметали всякое сопротивление, мстили виновникам репрессий – доносчикам и судьям, – разрушали все остатки и символы рабства: тюрьмы, полицейские участки и жандармерии были преданы динамиту или огню. Вновь свирепствует социальный пожар; крестьяне всей массой присоединяются к Махно, который воссоздал, начиная с октября, повстанческую армию в 28 000 пехоты и кавалерии, располагавшую 200 пулеметами и 50 пушками. Повстанцы разгромили несколько полков противника, блокировав Волноваху, главный железнодорожный узел, обслуживавший деникинский фронт, и заставив генеральный штаб белых срочно отозвать с антибольшевистского фронта лучшие казаческие части: Донскую бригаду под командованием Мамонтова, Терскую дивизию, чеченцев и другие ударные полки, всего 25 000 человек, которых чрезвычайно не хватало, когда кавалерия Буденного атаковала в свою очередь Воронеж и вызвала поспешное отступление белых. Эти значительные подкрепления белых вынудили махновцев оставить к концу октября побережье Азовского моря, в частности, порты Бердянск и Мариуполь и район Гуляй-Поля; они захватили Павлоград, Синельниково, Чаплино и главное Екатеринослав и сохраняли контроль над низовьем Днепра (Мелитополь, Никополь и Александровск).

Во всяком крае, местности или городе, которыми овладевали повстанцы, население вновь обретало все социальные и политические права, его приглашали приступить к выборам делегатов профорганизаций и местных советов, затем собрать районный съезд, который должен был определить нужную линию поведения в текущих делах. Это делалось без всякого вмешательства со стороны повстанцев.

Центральный орган махновской повстанческой армии, Военный Революционный Совет, опубликовал накануне занятия Александровска и Бердянска призыв, обращенный ко всем повстанцам, где точно определялась их роль: «Товарищи повстанцы! С каждым днем расширяется район действий революционной повстанческой армии. Недалек, вероятно, день, когда повстанцы освободят от власти Деникина тот или другой город. Это будет город (жирный шрифт в тексте – А.С.), освобожденный повстанцами-махновцами от всякой власти. Это будет город, в котором под защитой революционных повстанцев должна будет закипеть вольная жизнь, должна будет начать строиться свободная организация рабочих, в единении с крестьянами и повстанцами».

В призыве подчеркивалось, что не должно быть никакого насилия или грабежа, ни сомнительных обысков, так как весь успех построения свободных коммун зависел, главным образом, от самих махновцев: «Вопрос нашего поведения в занимаемых местностях есть вопрос жизни и смерти всего нашего движения 291» .

Повстанцы довольствовались тем, что назначали одного из своих комендантов города, но без всякой гражданской или военной власти, исключительно для установления связи между ними и органами, свободно избранными трудящимися. Это выглядело крайней противоположностью по сравнению с реакционным поведением белых. Тем не менее, большевики это воспринимали по-другому. Так, едва Александровск и Екатеринослав были освобождены, как они создали заново «революционные комитеты» – состоявшие исключительно из их сторонников, которых они хотели выдать за представителей всех; затем они явились к Махно и предложили разделить сферы деятельности: оставить ему чисто военные вопросы, а себе взять администрацию и управления этими городами. В своем смутном уме они уже отождествляли Махно со всем повстанческим движением и, более того, они ему предложили с холодной расчетливостью стать чем-то вроде руки при теле, головой которого были бы они сами. Это было точное повторение того, что случилось год назад. В этот раз Махно еще резче отреагировал против этих «паразитов жизни трудящихся». Он посоветовал им «идти и заниматься честным трудом, и пригрозил казнить весь ревком, если он проявит какие бы то ни было властные меры в отношении трудящихся»³⁰².

В Александровске состоялись две конференции рабочих. На них были избраны представители на районный съезд, который проходил с 27 октября по 2 ноября 1919 г. В нем участвовало более 300 делегатов, 180 из которых представляли крестьян, по одному от трех тысяч, около двадцати от рабочих, а остальные – от левых революционных организаций и от повстанческих частей. На порядке дня стояли следующие вопросы: 1. Организация повстанческой армии; 2. Реорганизация снабжения; 3. Организация комиссии для созыва следующего съезда и конференций по вопросам социального и экономического строительства; 4. Текущие вопросы.

Съезд принял, как самую неотложную военную меру, решение о «добровольной» мобилизации призывников от 19 до 39 лет, лица до 25 лет направлялись непосредственно на фронт, остальные должны были обеспечивать местную самооборону.

Призыв к «добровольной» мобилизации кажется противоречивым, и советские историки не преминули указать на это; в действительности, это означало, что съезд обращается с призывом к революционной сознательности всех тех, кого касалась мобилизация, чтобы они защищали с оружием в руках свои права и свою свободу, но их к этому не обязывали, как это систематически делали большевики, белые и петлюровцы.

Съезд постановил также, что снабжение армии будет обеспечиваться путем военных изъятий, реквизиций, касающихся буржуазии и особенно контрибуций, налагаемых на крестьян, так как армия оставалась в своей основе крестьянской. Из числа крестьян, рабочих и повстанцев была назначена комиссия для подготовки следующих конференций и съездов по вопросам социального и экономического строительства района. Остались, наконец, разные вопросы, на усмотрение делегатов. Все шло хорошо до 30 ноября, когда анархист Волин, который председательствовал на съезде, начал развивать махновские тезисы о свободных советах, написанные Махно совместно с культурным отделом движения, затем наспех обсужденные некоторыми повстанцами: речь шла, следовательно, только о проекте, предназначавшемся для обсуждения и возможного принятия на общем съезде повстанцев. Эти тезисы были опубликованы 20 октября в виде брошюры, как проект теоретической декларации повстанцев³¹³, и распространены во всем освобожденном районе.

Махно, присутствовавший на съезде, вернулся к этим тезисам и изложил их. Собрание решило проголосовать следующую резолюцию: «Поддерживать всеми средствами эту концепцию, призывая создавать повсюду и как можно быстрее местные свободные социальные и экономические организации, взаимодействующие между собой». В этот момент вмешались многие рабочие делегаты – на самом деле, меньшевики и эсеры, – выступив против этой концепции; вместо нее они предложили легитимность Учредительного собрания, избранного в ноябре 1917 г. и распущенного большевиками в январе 1918 г. Махно их строго отчитал, назвав их даже контрреволюционерами и пособниками Деникина. Возмутившись, одиннадцать делегатов совета профсоюзов, союза официантов ресторанов, типографских рабочих, банков и торговых предприятий оставили зал и опубликовали протест против обвинений Махно, требуя, чтобы во имя рабочего класса города они были сняты. Съезд не счел нужным давать им ответ, так как если бы Махно им не сказал сам все, что думает, вне всякого сомнения, собрание «сделало бы то же самое через день или два³²⁴».

*Один из большевистских руководителей, Левко, присутствовавший на съезде, также выступил против этой концепции, грубо ее искажая:

Вы нам говорите, – заявил он, – что советы могут организовать безвластие и что мы можем жить при таких советах, а сами этому не следуете (указывая рукой на президиум съезда). А вы кто? не власть? Председательствуете, даете слово ораторам, приказываете не шуметь, а захотите – и не дадите слова. А как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами стоит мост и если он ломается, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять, а потому будет некому, так мы останемся без моста и не будем ездить в город.³³⁵

Довод был слишком инфантильным, чтобы достичь цели, особенно в отношении крестьян, для которых солидарность – это закон природы, но он показателен для постоянной тенденции, свойственной всем сторонникам власти, рассматривать людей, как детей, которых нельзя оставить без присмотра, иначе они наделают «глупостей». Павлов, которого мы уже цитировали, приводит кредо крестьян, в противовес выше приведенным строкам: «– Мы не большевики. Они много обещают, но у нас все есть. А власть? Мы и без нее хорошо живем».346

Как бы там ни было, на съезде большевики не настаивали и даже делегировали своего представителя Новицкого в Военный Революционный Совет повстанцев, избранный съездом. Время требовало союза, им оставалось только следовать событиям, заняв хорошую позицию и выжидая удобный момент, чтобы вмешаться.

Махно ответил на протест меньшевиков, уточнив, что обвинения были адресованы им, а не рабочим; он долго объяснялся по этому поводу в открытом письме, напечатанном в махновском органе Путь к Свободе:

Товарищи рабочие! Правда ли, что вы, заслушав на экстренной конференции меньшевиков и правых эсеров, и других им подобных агентов деникинского социализма, бежавших как гнусные воры и трусы от справедливости, произнесенной мною перед делегатами съезда, постановили протестовать против справедливости? Правда ли, что эти ублюдки буржуазии вами уполномочены, чтобы, прикрываясь именем вашей пролетарской чести, на свободных деловых съездах призывать к старому идолу – «учредилке»?

Я думаю, что это неправда, что рабочие г. Александровска не уполномочивали этих лиц проводить на съезде идеи деникинской «учредилки»: Эти наглецы, прикрываясь вашим именем, сами от себя, предавая ваши интересы, говорили на съезде языком Деникина. Я уверен, что рабочие г. Александровска останутся верными идеям пролетариата и крестьянства – идеям социалистической революции. Смерть всем, учредилкам и иным буржуазным ловушкам! Да живет свобода, равенство и справедливость трудящихся».357

Занятая им позиция могла только удовлетворить большевиков; она была им на руку в политической схватке, в которой они противостояли эсерам и меньшевикам «легитимистам». Можно понять словесную необузданность Махно, особенно после ожесточенных боев, которые он недавно вел в борьбе за свое дело; тем не менее, следует заметить, что он был не прав, сближая идею Учредительного собрания с целями Деникина, который был от нее так же далек, как и от свободных советов, за которые ратовали махновцы, как мы это только что видели. Кроме того, если делегаты от так называемых правых эсеров и меньшевиков действительно представляли рабочих Александровска – есть все основания полагать, что это было так, – это означало попросту, что рабочий класс был менее радикален, чем бедное крестьянство. Махно в этом убедился, когда занял на полтора месяца, начиная с 9 ноября 1919 г., Екатеринослав, рабочие железной дороги обратились к нему, считая его следовательно властью – в общем «хозяином» – чтобы он выплатил им зарплату, которую они не получали уже два месяца! Он им ответил то же, что уже опубликовал по этому вопросу несколько раньше, в махновском органе Путь к Свободе:

К железнодорожникам! В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобождаемом нами районе предлагаю т.т. железнодорожным рабочим и служащим энергично сорганизоваться и наладить самим движение, устанавливая для вознаграждения за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя самим свою кассу на товарищеских и справедливых началах.

Командующий рев. повстанч. армией Украины. г. Александровск. 15 окт. 1919 г. Батько Махно.368

Железнодорожники района осуществили это в той мере, в какой смогли из-за военной ситуации. Произошел другой характерный инцидент с рабочими цехов в Бердянске: они ремонтировали артиллерийские орудия, захваченные махновцами у деникинцев, затем потребовали, чтобы им заплатили за их труд, но это не всегда случалось при красных или белых. Такое отношение возмутило повстанцев, которые, не колеблясь, жертвовали своей жизнью ради общего дела. Нельзя делать обобщения, так как вероятно, если не точно, что со временем все трения и недоразумения развеются, но эти примеры показывают революционный минимализм некоторых рабочих. Именно поэтому, чтобы избежать всякого недоразумения, Махно не перестанет в будущем настаивать на том факте, что повстанческое движение, которое носит его имя, было, главным образом, самовыражением бедного крестьянства.

2 ноября в Никополе собрался уездный съезд. Он единодушно присоединился к махновскому движению и также провозгласил «добровольную» мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 25 лет, которые должны немедленно быть отправлены на фронт; мужчины от 25 до 45 должны были сформировать местный полк самообороны. Съезд создал комиссию помощи семьям мобилизованных, затем отправил в Екатеринослав трех своих представителей, чтобы установить связь со штабом повстанческой армии. Это был ее апогей; она насчитывала около 80 000 бойцов и контролировала почти весь юг Украины!

Отметим, между прочим, что на съезде в Александровске была принята строгая резолюция, касающаяся пьянства: тем, кто ослабляет и разлагает, таким образом, армию, грозил расстрел. Напротив, Коневец, член партии большевиков, свидетельствует, что слышал, как Махно принимал решение совместно с отвечающим за разведывательную службу в повстанческой армии Левоу Задовым-Зиньковским, чтобы поставить 30 бочек чистого спирта казакам Шкуро, с явной целью снизить их боевитость³⁷⁹.

Александровский съезд принял также резолюцию о размере финансовых контрибуций на буржуазию и банки. На буржуазию Александровска налагалась сумма в 50 миллионов рублей, но она выплатила лишь 10; на екатеринославскую буржуазию была наложена такая же контрибуция, но она дала лишь 7 миллионов, бердянская, которая должна была выплатить 25 миллионов рублей, собрала 15; никопольская, для которой была установлена сумма в 15 миллионов рублей, собрала 8.

Сто миллионов рублей были конфискованы у банков Екатеринослава, из них 45 переданы в распоряжение повстанцев, 3 розданы бедным семьям повстанцев и бывшим узникам; все это осуществлялось через отдел социальной помощи, который вначале заседал дважды в

неделю, затем ежедневно. По свидетельству одного из жителей города, опубликованному в одном официальном советском журнале, эта помощь резко отличалась от поведения белых и неявно от поведения красных:

Эта раздача денег населению производилась в довольно широких размерах. Было предварительно объявлено, что беднейшее население может приходить в "штаб повстанческой армии имени батьки Махно" за материальной помощью, – требовалось только принести с собой паспорт, чтобы можно было судить об общественном положении просителя. Безработица и нужда в городе была ужасная, несмотря на сравнительную дешевизну (даже тогда фунт белого хлеба стоил 5–6 руб., при добровольцах 3–4 р.), и немудрено, что с раннего утра у штаба на Екатерининском проспекте толпились тысячи ждущих "выдачи". Впускали по очереди, по одному, в отдел социального обеспечения". Здесь один из членов Реввоенсовета, анархист-интеллигент (повидимому, из сельских учителей) просматривал паспорт просителя, задавал вопросы, что бы выяснить степень нужды, назначал размер пособия и записывал в книгу как фамилию просителя, так и цифру пособия, а сидевший за другим столом кассир доставал из лежавших на полу мешков деньги и отдавал просителю, не требуя никакой расписки. Размер пособия достигал иногда, если проситель или просительница (исключительно жены и вдовы рабочих) представляли веские доводы, довольно значительных по тому времени цифр – до тысячи рублей: на такие деньги целая семья могла просуществовать с избытком более месяца. Выдача пособия беднейшему населению производилась махновцами до последнего дня их пребывания. Таким же путем была оказана помощь городским детским приютам:

было выдано деньгами около миллиона рублей и кроме того не мало продуктами – мукой, салом и колбасой. Надо отдать справедливость махновцам после добровольцев приютские дети в течение месяца "подкормились"... Но, давая деньги для приютов, Реввоенсовет заявил, что повстанческая армия явилась не для того, чтобы заниматься благотворительностью, и больше денег не даст.

– Мы – только войско, – сказал секретарь Реввоенсовета, анархист-интеллигент, представителю детских приютов, пришедшему за помощью для голодающих детей, – мы явились только для того, чтобы оградить вас от насилий какой-бы то ни было власти, от большевистской или денкинской. А остальное зависит от вас самих, от вашей самодеятельности. Устраивайтесь, как хотите!

Такую же точку зрения развил Реввоенсовет махновцев в воззвании к населению с призывом создать конференцию для управления городом. По предложению Реввоенсовета, конференцию должны были создать трудящиеся элементы горожан – рабочие и служащие, без участия эксплуататоров.³⁸¹⁰

Такая практика повстанцев хорошо характеризует их способ действия: вначале они устраняют государственную власть, осуществлявшуюся белыми, красными или любой другой партией с гегемонистическими тенденциями, затем предлагают трудящимся осуществлять самоорганизацию. Вначале, используя деньги, собранные у буржуазии, они довольствуются тем, что запускают механизм солидарности, затем ограничивают свои функции только военной обороной. Повстанцы выделили еще один миллион рублей

городской больнице, которая за неимением денег не могла функционировать до сих пор. На самом деле, этот финансовый вопрос был для них второстепенным; они определенно предпочитали натуральное хозяйство, то есть прямой обмен услугами и товарами между различными рабочими и крестьянскими объединениями, в строгом соответствии с потребностями тех и других. Несмотря на сказанное, горожане были к этому не готовы, для них надо было чеканить деньги. И в этот раз махновцы решили проблему очень просто: все деньги были признаны одинаково действительными – к большому возмущению советских историков – будь-то «николаевки» (рубли времен Николая II), «керенки» (рубли, выпущенные Керенским), «карбованцы» Петлюры и все другие купоны или бонны, все они были в обращении!

Другое замечательное достижение периода занятия Екатеринослава повстанцами: полная свобода собраний и слова для всех левых организаций и органов. Сразу же после прибытия в город махновцы обнародовали это решение:

1. «Всем без исключения социалистическим политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полная свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати недопустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционных повстанцев Путь к Свободе.

2. Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идеи, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей, революционным повстанчеством ни в коем случае допущены не будут.

Военно-Революционный Совет Армии Повстанцев-Махновцев. Екатеринослав 5-го ноября 1919 г.3911

Так, впервые после февральских дней 1917 г. была установлена значительная свобода слова, собраний и прессы в столице восточной Украины. На протяжении шести недель присутствия махновцев, спокойно выходили следующие издания: Власть народа, правых эсеров; Знамя восстания, левых эсеров; большевистская Звезда, бюллетень меньшевиков; Набат, Конфедерации анархистов Украины; и русское и украинское издание органа махновских повстанцев Путь свободы.

В своих изданиях махновцы уточняли смысл всех этих достижений: «значение происходящих событий состоит в третьей великой повстанческой революции, которая несет трудящимся массам освобождение от ига всякой власти, во всех ее формах и проявлениях», писала газета «Набат» в своем номере от 1 декабря 1919 г. «Путь Свободы» утверждает 16 октября, что:

самой существенной разницей между экономической политикой большевиков и предполагаемым экономическим строительством нового течения является то, что

большевики, как и всякая власть, тесно связали экономически-хозяйственное строительство с политикой государственной власти, приспособляя его к аппарату существующего государственного механизма... Новое течение, отрицающее вообще государственность, отрицающее всякую власть, призывающие к свободной организации, ясно представляет эту новую форму экономически-хозяйственного строительства только в свободных безвластных рабоче-крестьянских организациях».

Следует подчеркнуть, что попытка организовать эту новую жизнь проходила в контексте постоянной войны. Город непрестанно обстреливался деникинцами, окопавшимися на противоположном берегу Днепра, обстоятельство, которое объясняет некоторые ограничения в правах для местной буржуазии. Весь район также был подвержен атакам казаков Мамонтова и Шкуро, нашествие которых упразднило почти все решения и резолюции Александровского съезда: делегаты едва успели вернуться в свои деревни и села, как их оккупировала белая военщина.

Ситуация в Екатеринославе стала еще более напряженной, когда был разоблачен большевистский заговор. Некоторое количество большевиков участвовало уже несколько месяцев в борьбе махновцев; некоторые из них воспользовались этим, чтобы установить между собой подпольную связь, проникнуть на командные посты в некоторых полках, затем они решили перейти к действию, то есть осуществить переворот против повстанческого штаба; с этой целью они хотели, прежде всего, убрать Махно. Под каким-то предлогом его пригласили на вечеринку, где замышлялось напоить его отравленным напитком. Махновская разведслужба, получив информацию от одного из своих членов, внедренного в подпольную большевистскую сеть, захватила заговорщиков врасплох, арестовала их и после краткого суда, 5 декабря были расстреляны пять главных заговорщиков, а именно: Полонский, командир повстанческого полка, названного железным, его заместитель Семченко, его любовница – актриса, которая должна была «сыграть» роль отравительницы, Вайнер, бывший председатель военного трибунала красной армии, имевший зловещую репутацию, и еще один сообщник.

22 декабря Слащев атаковал Екатеринослав; он располагал свежими и хорошо вооруженными войсками. После нескольких дней ожесточенных боев в попытке прикрыть эвакуацию нескольких тысяч раненых и больных, находившихся в городе, махновцы были вынуждены окончательно оставить эти места. Вследствие этого, 4-й районный съезд, который должен был собраться в Екатеринославе в конце декабря 1919 г. не мог состояться.

Ослабление повстанческой армии имело единственную и главную причину – эпидемию тифа, врага, худшего, чем все, с которыми приходилось бороться до сих пор. Вся сила и завоевания борьбы махновского движения улетучились, таким образом, за несколько недель. С конца октября многие махновцы стали жертвами тифа, на 11 декабря повстанческая армия насчитывала уже не более 25 000 человек, более десяти тысяч были ранены или больны. Многих отправили по домам, чтобы уменьшить риск заразиться; другие были госпитализированы, но из-за отсутствия необходимого лечения, умирали тысячами. Махно и многие члены штаба также заразились ужасной болезнью. К концу декабря осталось только около десяти тысяч повстанцев, которые отошли в район Гуляй-Поля, Мелитополя и Никополя. Именно в этот момент появляется третье действующее лицо, красная армия, вовремя пришедшая, чтобы воспользоваться успехами махновцев. Тем более

